

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>

EDN: <https://elibrary.ru/vlfvjx>

НИОН: 2003-0059-7/23-924
МОСУРЕД: 77/27-003-2023-07-123

К вопросу о соотношении интереса и права

Денис Васильевич Шаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sharovden@gmail.com

Аннотация. Анализируется научная дискуссия о соотношении интереса и права. Делается вывод, что интерес и право хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Интерес не включается и не может включаться в содержание субъективного права, как не является и не может являться его сущностью. Интерес и право — это разные явления объективной реальности.

Ключевые слова: интерес, право, субъективное право, соотношение интереса и права

Для цитирования: Шаров Д. В. К вопросу о соотношении интереса и права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 217–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>. EDN: VLFVJX.

Original article

On the question of the relationship between interest and law

Denis V. Sharov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sharovden@gmail.com

Abstract. The scientific discussion on the relationship between interest and law is analyzed. It is concluded that interest and law, although interrelated, are far from identical concepts. Interest is not included and cannot be included in the content of a subjective right, as it is not and cannot be its essence. Interest and law are different phenomena of objective reality.

Keywords: interest, law, subjective right, relationship between interest and law

For citation: Sharov D. V. On the question of the relationship between interest and law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):217–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>. EDN: VLFVJX.

Соотношение интереса и права составляет предмет длительных и острых дискуссий в теории права, которые то угасают, то разгораются с новой силой. При этом участвующие в них ученые придерживаются не просто разных, но, зачастую, диаметрально противоположных взглядов по данному вопросу.

На наш взгляд, интерес и право, хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Это разные явления объективной реальности.

Поэтому вряд ли можно согласиться с точкой зрения родоначальника теории интересов Р. Иеринга, выраженной в его знаменитой фразе, что «права суть юридически защищенные интересы» [16, с. 122]. В данном случае произошло недопустимое смешение двух различных понятий в одно, а именно, интереса и права. Впоследствии это признал и сам Р. Иеринг, определяя право уже не как интерес, а как форму его обеспечения: «Я определяю право, как обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения» [5, с. 321].

Однако подобное понимание права как защищенного интереса уже было вброшено в научный

оборот и впоследствии нашло немало своих сторонников.

Двойственное понимание права Р. Иерингом не укрылось от внимания, тонко чувствующего природу данного явления, профессора Ю. С. Гамбарова. Он справедливо полагал, что: «Понятие интереса и обеспеченности его не тождественны: то, что составляет интерес, не может вместе с тем быть и обеспеченностью или «самозащитой» интереса, — точно так же, как дом, обнесенный для безопасности оградой, и эта ограда, охраняющая безопасность дома, не тождественны, но представляют различные предметы, которым соответствуют такие же различные понятия» [3, с. 374].

Как отличные друг от друга явления рассматривал интерес и право другой видный российский правовед, профессор Г. Ф. Шершеневич. «Сам Иеринг дал неудачную формулу своему взгляду, определив субъективное право, как юридически защищенный интерес — отмечал он. Здесь смешаны в одно сущность субъективного права и его цель. Целью права

© Шаров Д. В., 2023

является, несомненно (и в установлении этого факта неоцененная заслуга Иеринга), обеспечение интересов общества и отдельных лиц, но это не составляет еще сущности права как средства к достижению указанной задачи» [14, с. 75].

Смещение понятий интереса и права считал главным недостатком теории интересов Р. Иеринга один из ее наиболее последовательных критиков князь Е. Н. Трубецкой, который обоснованно выступал против какого бы то ни было отождествления права с интересом, понимая под последним причину обуславливающую образование права [12, с. 22].

Отдельного внимания заслуживает обоснование различности таких явлений как интерес и право, содержащееся в критике теории интересов Р. Иеринга со стороны профессора Л. И. Петражицкого.

Сам Л. И. Петражицкий считал, что интерес не имеет вообще никакого отношения к праву «...представляет собой явление чуждое и постороннее для существа права...» [8, с. 358].

С таким взглядом ученого трудно согласиться, поскольку взаимосвязь между интересом и правом, несомненно, существует. Более того, эта взаимосвязь носит основополагающий характер. Нет ни одной нормы права, в основе возникновения которой не лежал бы тот или иной объективный интерес и, как следствие, любая норма права служит для удовлетворения того или иного законного интереса. Выражаясь образно, можно сказать, что все право «пронизано» интересами. Однако это совсем не означает, что интерес и право тождественны друг другу или сливаются вместе в едином понятие. В чем, безусловно, прав Л. И. Петражицкий, так это в том, что интерес и право представляют собой два совершенно различных явления.

Доказывая обоснованность своей позиции Л. И. Петражицкий, на примерах показывает, что право продолжает существовать даже тогда, когда породившего его интереса уже нет и в помине, и на этом основании делает справедливый вывод об отличии этих двух явлений друг от друга [9, с. 246].

Следует отметить, что предложенная Л. И. Петражицким аргументация, действительно, наглядно показывает, что интерес и право — это различные друг другу понятия, при этом никак не умаляя их взаимосвязи между собой.

Вполне очевидно, что в силу консервативности права может возникнуть и даже довольно длительное время существовать такая ситуация, когда норма

права имеется, а вызвавший ее появление интерес по тем или иным причинам уже утрачен. Впоследствии эта норма права, как правило, также упраздняется, однако сама возможность ее существования доказывает, что право и интерес хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия и точно не являются одним целым.

Научная дискуссия о взаимосвязи интереса и права в отечественной юриспруденции продолжилась в советское время, и разгорелась с новой силой с середины XX в., прежде всего, по вопросу соотношения интереса и субъективного права.

Важное значение интереса для права побудило ряд ученых высказать мысль о включении интереса в само содержание субъективного права. Данная позиция, в свою очередь, вызвала возражения у большинства советских юристов, которые, признавая существенную роль интереса в праве, тем не менее считали интерес моментом внешним по отношению к субъективному праву и в содержание последнего не входящим.

Обе точки зрения представлены именами выдающихся советских правоведов.

Сторонниками включения интереса в содержание субъективного права, прежде всего, являются А. В. Венедиктов, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Впрочем, как мы увидим ниже, их позиция по данному вопросу не является последовательной.

Так, А. В. Венедиктов настаивает на включении в понятие правоотношения (субъективного права) интереса как элемента правоотношения и притом ведущего его элемента [2, с. 38]. Практически дословно эту мысль воспроизводит Ю. К. Толстой, утверждавший, что «интерес является необходимым и притом ведущим элементом содержания субъективного права» [11, с. 45].

Двойственную позицию по данному вопросу занимает О. С. Иоффе. С одной стороны, он полагает интерес элементом содержания субъективного права, считая, что «исключение интереса из содержания субъективного права привело бы к тому, что последнее оказалось бессодержательным...» [6, с. 50], с другой стороны, утверждает «что в индивидуальном интересе, проявляющем в себе определенный общественный или классовый интерес, заключается сущность субъективного права» [6, с. 50].

Вместе с тем, если интерес есть ведущий элемент в содержании субъективного права, а тем более, если в интересе заключается сущность субъективного пра-

ва, то логика обязывает указанных выше авторов сделать следующий шаг и вслед за Р. Иерингом признать субъективное право ни чем иным, как охраняемым законом интересом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако этого не происходит.

Напротив, О. С. Иоффе в конечном итоге приходит к совершенно противоположному выводу, который никак не коррелирует с его предыдущими суждениями: «Из этого далее следует, — пишет он, — что субъективное право есть юридическое средство удовлетворения интересов советских граждан, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им» [6, с. 54].

Как можно видеть, здесь автор, до этого рассуждавший об интересе как об элементе содержания или даже сущности субъективного права, проводит четкое разграничение между интересом и субъективным правом как двумя различными явлениями. Поскольку совершенно очевидно, что если субъективное право является средством удовлетворения интересов, то интерес не может входить как некий элемент в содержание субъективного права и уж тем более не может быть его сущностью. Иначе получится, что интерес является элементом содержания средства своего же собственного удовлетворения или, даже, сущностью такого средства, а это нонсенс.

Учитывая изложенное, остается только удивляться как через столь различные понимания взаимосвязи интереса и субъективного права, автору, в рамках одной работы, в конечном итоге, все же удалось провести четкое разграничение между ними и определить их соотношения как соотношение цели и средства.

Не избежал противоречий в своих суждениях и уже цитируемый выше Ю. К. Толстой. С одной стороны, он вслед за А. В. Венедиктовым, считает интерес ведущим элементом содержания субъективного права, с другой — определяет субъективное право как меру возможного поведения управомоченного лица «в целях удовлетворения его интересов» [11, с. 45–46], нисколько не смущаясь того, что подобное определение субъективного права, как совершенно верно подметил В. П. Грибанов, предполагает понимание удовлетворения интересов уполномоченного лица как цели субъективного права, а субъективного права, как средства удовлетворения его интересов [4, с. 243].

Близки к признанию интереса в качестве элемента субъективного права и некоторые современные ученые [10, с. 12; 7, с. 151].

Противоположного подхода, полагающего интерес внешним по отношению к субъективному праву явлением, не входящим в его содержание, придерживаются С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, В. П. Грибанов, Р. Е. Гукасян, Г. В. Мальцев, Н. И. Матузов, С. Н. Сабикенов, Д. М. Чечот, Л. С. Явич и многие другие юристы, число которых значительно превышает количество представителей первой точки зрения.

Так, С. Н. Братусь исключает интерес из содержания субъективного права и вместе с дореволюционными критиками Р. Иеринга считает, «что интерес — это только цель, а не сущность права, что право — лишь средство обеспечения или охраны интересов» [1, с. 24–25].

Схожей позиции придерживается В. П. Грибанов, отмечающий, что «...удовлетворение интереса управомоченного лица является целью любого субъективного права, которое выступает как правовое средство удовлетворения интересов» [4, с. 242].

О невозможности рассматривать интерес содержанием субъективного права говорит Д. М. Чечот: «Интерес является целью существования субъективного права так же, как для целей передвижения служат транспортные средства. Именно потребность общества в передвижении является стимулом совершенствования транспортных средств, но из этого отнюдь не следует, что существо самих транспортных средств может быть сведено к передвижению» [13, с. 34]. Отсюда следует, — заключает он — что интерес, является понятием совершенно самостоятельным и находящимся за пределами субъективного права. «Следовательно ... социальный интерес не должен рассматриваться в качестве сущности субъективного права» [13, с. 35].

Л. С. Явич, разделяя по рассматриваемому вопросу позицию Н. С. Братуса и Д. М. Чечота, пишет, что «само право — объективное и субъективное — не является интересом» [15, с. 186].

Подводя итог краткого анализа соотношения интереса и права, можно сделать вывод, что подавляющее большинство правоведов придерживается позиции, согласно которой интерес и право хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Причем данное утверждение справедливо как для объективного, так и для субъективного права.

Однако если применительно к объективному праву указанное положение не вызывает серьезных разногласий, то при исследовании соотношения ин-

тереса и субъективного права позиции ученых уже не столь однозначны. Тем не менее и в этом вопросе большинство юристов придерживается понимания различности интереса и субъективного права, их не тождественности друг с другом.

Со своей стороны мы полностью поддерживаем данный подход. Интерес не включается и не может включаться в содержание субъективного права, и уж тем более не является и не может являться его сущностью. Интерес и право хотя и взаимосвязаны между собой, но далеко не тождественны друг другу. Они представляют собой разные явления объективной реальности.

Список источников

1. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН Министерства Юстиции СССР. 1947. Вып. XII.
2. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948.
3. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1 Часть общая. СПб., 1911.
4. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
5. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881.
6. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949.
7. Першина И. В. Интерес в праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II. СПб., 1907.
9. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
10. Селиванова О.Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
11. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959.
12. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
13. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.
14. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001.
15. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.
16. Ihering, Geist des römischen Rechts. 1888. III.

References

1. Bratus S. N. Legal entities in Soviet civil law // Scientific works of the Ministry of Justice of the USSR. 1947. Issue XII.
2. Venediktov A. V. State socialist property. M., 1948.
3. Gambarov Y. S. Course of civil law. Vol. 1. Part general. SPb., 1911.
4. Griбанov V. P. Interest in civil law. Implementation and protection of civil rights. M., 2000.
5. Iering R. Purpose in law. Vol. 1. SPb., 1881.
6. Ioffe O. S. Legal relations in Soviet civil law. L., 1949.
7. Pershina I. V. Interest in law: diss. ... cand. Jurid. sciences. N. Novgorod, 2002.
8. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. Vol. II. SPb., 1907.
9. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000.
10. Selivanova O.Y. Subjective law: essence, structure, value: abstract. diss. ... cand. Jurid. Sciences. N. Novgorod, 2001.
11. Tolstoy Yu. K. Theory of legal relations. L., 1959.
12. Trubetskoy E. N. Lectures on the encyclopedia of Law. M., 1917.
13. Chechot D. M. Subjective law and forms of its protection. L., 1968.
14. Shershenevich G. F. Course of civil law. Tula, 2001.
15. Yavich L. S. General theory of Law. L., 1976.
16. Ihering, Geist des römischen Rechts. 1888. III.

Информация об авторе

Д. В. Шаров — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.